

ЗВУК. БЕЗОПАСНОСТЬ. СОЦИУМ

Sound. Security. Society

Дмитрий Кошлаков

заместитель руководителя НИИ социологических исследований Брянского государственного технического университета (БГТУ) по учебно-методической работе
E-mail: dmkosh@rambler.ru

Анатолий Степанищев

заведующий кафедрой «Философия, история и социология» БГТУ, доктор философских наук, доцент
E-mail: stepanischevaf@mail.ru

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный технический университет»
Бульвар 50 лет Октября, дом 7, город Брянск,
Брянская область, 241035, Россия

Dmitry Koshlakov

Deputy Head of the Scientific Research Institute of Sociological Research on teaching and learning, State Educational Institution of Higher Education «Bryansk State Technical University»
E-mail: dmkosh2012@yandex.ru

Anatoly Stepanishchev

Doctor of Philosophy, Head of Philosophy, History and Sociology Department, State Educational Institution of Higher Education «Bryansk State Technical University»,
Department of Philosophy, History & Sociology
E-mail: stepanischevaf@mail.ru

State Educational Institution of Higher Education
«Bryansk State Technical University»
50-letiya Oktyabrya Blvrd. 7, Bryansk, 241035 Russian Federation

Abstract

The theme of sound and socium interconnection is comprehended in the context of problems of social security. The concept of sound is under consideration. In large measure, the authors rely on the philosophical concept of J. Deleuze and F. Guattari and concept of the sociological imagination of Ch. W. Mills. The audio-sociological observations presented are structured according to some topics: sound and labor activity; sound and power; sound and transport. The task of sociologist investigating sound phe-

nomena consists in revealing the concealed social regularities, senses and other essences hidden behind the frontage of phenomena, that is, in passing from a phenomenological view upon reality to a numerological vision of it, from the analysis of phenomena to the analysis of essences generating these phenomena.

Keywords: audio-sociology; labor activity; power; security; society; sound; transport.

Введение

Звук как предмет социально-гуманитарного осмысления может быть рассмотрен в качестве некоторого эквивокального (двуосмысленного) феномена. Во-первых, звук одновременно является и объективным, и субъективным феноменом, ибо, выражая объективные процессы, выступая знаком объективных закономерностей, воспринимается он субъектом, и в силу этого воспринимается субъективно. Во-вторых, с одной стороны, звук является некоторой частностью, элементом окружающего нас мира, а с другой – выступает проявлением целостности и/или системности этого мира. Недаром еще средневековый философ и богослов П. Абеляр, опираясь на идею сотворения мира по Слову Бога, указывал, что один только звук Слова Божьего воплощается в единство вещи и ее имени (Степанищев, 2006, с. 62-63).

«Эквивокальный» характер звуковой проблематики ориентирует нас на понимание и рассмотрение звука как концепта. Для реализации подобной установки мы планируем опираться на несколько значимых концептуальных позиций, относимых нами к методологии постклассического социального познания. Во-первых, на понимание творчества концептов, предложенного Ж. Делезом и Ф. Гваттари (2009). Во-вторых, на тот принцип, согласно которому одна и та же ситуация на разных уровнях (макроуровне, мезоуровне и микроуровне) и в разных контекстах выглядит по-разному, имеет разные смыслы (хотя это одна и та же ситуация). По сути, этот принцип в некотором роде является гуманитарным аналогом принципа относительности. В-третьих, на концепцию социологического воображения в версии Ч.Р. Миллса (2001) и в других версиях как на реализацию методологической установки на гибкую смену исследовательских перспектив и существенную смену ракурсов рассмотрения центрального феномена (в обсуждаемом случае – звука).

Любая наука оперирует концептами и в этом смысле является творчеством концептов как неких нечетких (размытых) семантических феноменов, не тождественных строгим понятиям. В современной науке концепт среди прочего может предполагать то обстоятельство, что в ходе исследования то и дело происходит такая смена ракурса рассмотрения ключевого феномена, что появляются дополнительные и, вообще говоря, нетривиальные смыслы. В своей статье мы сконцентрируемся на трех ракурсах, подкрепленных ре-

зультатами наблюдений авторов, известными им содержательными примерами и т.п. Речь о следующих трех ракурсах:

- звук и труд;
- звук и власть;
- звук и транспорт.

Естественно, при таком ансамбле избранных ракурсов довольно сложно подвести их под один знаменатель. В этой связи укажем, что на каком-то уровне содержание статьи может показаться лоскутным (причем показаться, по всей видимости, не без оснований), однако это не значит, что никакого единого знаменателя тут нет. Общий знаменатель есть, и в существенном смысле отображен он в заглавии статьи: «Звук. Безопасность. Социум». Все ранее названные ракурсы рассмотрения звука в качестве социального (шире – социально-гуманитарного) феномена часто будут пересекаться с такой актуальной для современной техногенной цивилизации темой, как тема риска и безопасности.

Выявление этого общего знаменателя помогает лучше понять суть и содержание статьи. Выявление (и предъявление) такого знаменателя тем более важно, что статья в значительной мере носит обзорный характер в том смысле, что в ней авторы осуществляют обзор некоторого количества содержательных примеров. Пожалуй, приводимые авторами содержательные примеры и являются основным содержанием статьи, чем и обуславливается ее обзорность и в некотором роде ее «радикальный эмпиризм».

Названными выше ракурсами – контекстами рассмотрения феномена звука – его современное осмысление, естественно, не исчерпывается; более того, оно имеет существенный познавательный потенциал.

Как известно, современная акустическая среда все больше зависит от самого человека, все в большей мере им определяется (Старикова, 2011, с. 27). В этой связи современная звуковая среда способна в чем-то довольно тонко характеризовать современных человека и общество, а также вскрыть различные социальные закономерности, процессы и явления.

Как бы то ни было, феномен звука в ходе применения описанной «аналитической оптики» (Кильдюшов, 2013) рассматривается как концепт. В данном случае концепт – это не строго определенное (жесткое) понятие, а нечто гибкое, полиморфичное, поликонтекстуальное, многоосмысленное. Познание в этом случае носит концептуальный характер; кроме того, оно носит неклассический характер, ибо объект исследования рассматривается в пространстве его внешних взаимодействий, выделение которых определяется самим наблюдателем (аналитиком). Личность познающего субъекта в данном случае неустраима из процесса познания, оказывает на этот процесс решающее или, по крайней мере, существенное воздействие.

Сделав это методологическое вступление, можем перейти к осмыслению феномена звука, рассматривая его в заявленных выше

ракурсах, то есть рассматривая его под определенными углами зрения.

Звук и труд

У различных социально-профессиональных групп складываются какие-то специфические отношения со звуком, со слухом и с голосом. Характер звуковых явлений у разных профессий сильно различается. Есть профессии, представители которых непосредственно работают со звуком, например композиторы и музыканты, поэты и певцы, логопеды и преподаватели, звукооператоры и звукорежиссеры, дикторы телевидения и диджеи радиостанций. Это своего рода профессиональные слушатели и/или производители звука.

Обратимся к примерам. Совершенно специфической группой профессиональных слушателей являются военные акустики. Так, на подводной лодке гидроакустика служит одним из важнейших средств ориентирования в пространстве самых разнообразных объектов (подводные лодки, надводные корабли, торпеды, мины). Для определенных профессиональных групп звук является сугубо побочным и подчас даже вредным явлением. Так обстоит дело со строителями и рабочими промышленных предприятий (станочниками, формовщиками и т.д.), с дорожниками (вспомнить хотя бы звук отбойного молотка), даже со стоматологами. А вот в военном деле звук выстрела, звук автоматной очереди, хоть во многом и является побочным эффектом стрельбы, крайне важен в плане психологического воздействия на противника. Для артиллерии звуковые волны и анализирующая их акустическая разведка являются врагами. Для танкистов звук движения танка является фактором, существенно повышающим риск обнаружения танковой колонны при ее скрытом продвижении по местности. Вместе с тем звук движущейся танковой колонны способен выступать чем-то устрашающим для пехотных соединений противника, то есть служит средством психологического давления.

В различных социальных обстоятельствах звук может быть поощряем или, наоборот, неприемлем. Например, в читальном зале библиотеки или в партере театра во время спектакля посторонний звук сильно мешает¹.

Хорошо известно, что есть профессии, оказывающие крайне негативное влияние на здоровье органа слуха (например, так обстоит дело у формовщиков). Ранее и ныне определенная часть работников

¹ В подстрочном комментарии заметим, что современные практики библиотечного дела сильно меняются. Одним из изменений стало появление и реализация той идеи, согласно которой библиотека должна перестать быть местом тишины и стать пространством живого общения. Тенденция на превращение определенного сегмента библиотек в своего рода просветительские центры с лекториями, клубами, выставками, презентациями и т.п. все это подтверждает. Схожие тенденции наблюдаются в музейном деле.

вредных для слуха производств имели и/или имеют врожденную глухоту или глухонемоту. Физиологические особенности глухих и глухонемых людей, их депривированность по критерию отсутствия слуха и/или речи в ряде случаев оказывается существенным фактором их профессиональной социализации. Интересно, что определенная часть работников вредных для слуха производств, которые не имеют врожденной глухонемоты и обладают вполне здоровым органом слуха, осваивают язык глухонемых людей, что, с одной стороны, помогает в работе, а с другой – обеспечивает более глубокую интеграцию глухих и глухонемых людей в коллектив.

В контексте проблемы отношений звука и трудовой деятельности крайне интересным для наблюдения является отслеживание реакции человека на шум. Например, чем занимается охранник или сторож? Одна из значимых задач часового, сторожа и охранника состоит в том, чтобы в течение дежурства постоянно вслушиваться в тишину (а нередко заодно еще и всматриваться в темноту) и при необходимости как-то реагировать на шум. В каком-то смысле такое вслушивание сродни тому, чтобы искать черную кошку в черной комнате, то есть искать то, чего, может быть, и нет.

Нередко часовой, сторож или охранник – это человек, который, подобно акустику на подводной лодке, занят тем, что анализирует сложную акустическую обстановку, разбирается в типе и характере возникающих шумов. Так, если рядом с объектом охраны находятся промышленные предприятия, проезжая часть, железная дорога или какой-либо транспортный узел, то имеет место именно сложная акустическая обстановка, с которой приходится работать человеку. Более того, какие-то происшествия злоумышленники могут целенаправленно подгадывать под моменты сильных, но привычных для данной местности шумов, например под моменты прохождения по железной дороге грузового состава, взлета самолета и т.п. История, а также детективные литература и кинематограф могут подсказать какое-то количество скроенных по этой схеме преступлений, например напомнить убийство во время торжественного выстрела пушки. Под некоторый легитимный звук целенаправленно как бы подкладывается какой-то иной, латентный звук, скажем, звук пистолетного выстрела маскируется звуком проносающегося поезда, боем барабанов, громом аплодисментов или залпом салюта. Ситуация, прямо скажем, диалогичная (карнавальная, эквивокальная, двусмысленная), ибо смысл некоторого звука в реальности как бы раздваивается на несколько противоположных смыслов.

Люди, непосредственно знакомые с деятельностью сторожа или охранника, рассказывают о том, что в течение несения дежурства внимание может плавно или резко снижаться или повышаться, бодрствование и сон могут переходить друг в друга, причем сон часто носит поверхностный характер. Небольшая глубина сна предполагает, что даже во сне человек напряжен и реагирует на звуки, шумы, шорохи и т.п. Это не дает организму восстановить силы, в итоге человек, даже проспав десять часов, может не почувствовать

себя ни выспавшимся, ни отдохнувшим. В этих условиях может формироваться хроническое недосыпание, расшатываться нервная система; все это может впоследствии приводить к серьезным расстройствам здоровья (ненормальное артериальное давление, снижение иммунитета и иные заболевания).

Как бы то ни было, у работников обсуждаемого профиля вырабатываются различные модели реагирования на шумы. Две крайние модели состоят в том, что работник не реагирует на шумы вовсе (если только шум не является из ряда вон выходящим) и тем самым осознанно или неосознанно снижает риски для своего здоровья, и напротив, работник реагирует на каждый, даже самый малозначительный шум, постоянно прислушивается, всегда идет на шум, чтобы его идентифицировать и оценить происходящее. Вторая модель поведения, само собой, снижает порог реагирования и истощает нервную систему, в результате чего может сформироваться так называемая тревожная личность.

Охранники и сторожа могут рассказать о разнообразных эффектах и даже профессиональных хитростях, связанных со звуком. Так, можно поставить какой-то объект (стеклянную раму, лист железа, стол, лавку и т.п.) таким образом, что в случае проникновения в здание злоумышленника он его прямо или опосредованно заденет, в результате чего объект издаст громкий звук, чем разбудит или привлечет внимание сторожа. Это своего рода простейший вариант звуковой сигнализации. Схожий прием можем встретить в деятельности некоторых рыбаков, использующих для привлечения внимания к удочке, на поплавок которой клюнула рыба, колокольчик (он начинает звонить во время клева).

Звуковые эффекты не менее интересны. Так, чересчур громкие залпы салюта на улице могут восприниматься в ближайшем пустынном здании как громкий, резкий и неожиданный стук в дверь. Открытое в летнее время года окно может приводить к тому, что звуки шагов на улице могут восприниматься как звуки шагов в помещении, по понятным причинам вызывая озабоченность охранника или сторожа. Падение ледяных наростов и снежных глыб с крыши здания (падение самопроизвольное или, напротив, вызванное искусственно) в самом здании может восприниматься как целенаправленный удар хулиганов по стеклопакетам окон. Возможны самые разнообразные акустические эффекты, которые могут привлекать внимание человека и настораживать его. Идентифицировать же их причины не всегда просто.

Таково одно из свойств звука, не подкрепленного визуально (речь о ситуации, когда мы нечто слышим, но при этом не видим происходящего, не видим того, что порождает этот звук). В случае, когда причины звука не ясны, не очевидны, звук подлежит идентификации и герменевтическому расшифровыванию. Далек не всегда эта обратная задача – задача восстановления по звуку породивших его причин – является простой.

Звук, помимо уже указанных, имеет множество иных касательств к трудовой деятельности. В учебном заведении (школе, техникуме или вузе) рабочий день представляет собой последовательность занятий и перерывов между ними. Сигналом о наступлении следующего периода является звонок. В этом смысле звук звонка как бы организует временную структуру учебного дня, задает определенное дисциплинарное пространство, своего рода дисциплинарный хронотоп.

Хорошо известны психоакустические исследования, согласно которым шум школьной перемены негативно воздействует на учащихся при выполнении ими заданий, что выражается в значимом приращении количества ошибок при выполнении учебных заданий (Пинчук, 2007). В этом смысле звонок, разделяя время на то, когда умеренный шум допустим, и то, когда он недопустим, разрезая время на определенные интервалы, управляет им, а через это и учебным процессом. В итоге некоторый шум во время перемены оказывается легитимным, а во время занятий он делегитимируется. Как давно подмечено, одно и то же явление в разных ситуациях выглядит по-разному, приобретает в них различный смысл (социально-гуманитарный аналог принципа относительности).

В любом случае учебные занятия, сопровождающиеся ощутимым шумом в коридоре, могут оказаться неэффективными и/или нерезультативными. Недаром раньше в школах во время государственных экзаменов сидели дежурные преподаватели и часто можно было встретить объявление «Тихо! Идет экзамен!». Наверное, эта социальная практика распространена и ныне.

Вспомним, что звонки есть не только в учебных заведениях, но и в театрах. Несмотря на определенные различия между учебным заведением и театром, роли звонков в них схожи, хотя и не тождественны. Более того, звонками оснащают жилые помещения и даже магазины. В индустриальную эпоху были распространены гудки, звучавшие на предприятии, в районе или в городе перед началом и перед завершением рабочего дня. Звук гудка организовывал социально-временной континуум, разделяя его на время работы и время отдыха, задавал дисциплинарное пространство, своего рода дисциплинарный хронотоп.

Итак, как видим, звук и профессия, звук и труд вообще взаимосвязаны. Видим и то, что звук имеет семиотическую (знаковую) сущность и благодаря ей способен определенным образом организовывать социальный хронотоп, управлять им. Именно поэтому со временем (по мере развития человеческой цивилизации) звук становится объектом власти и средством ее осуществления. В этой связи обоснованным представляется обратиться к следующему ракурсу рассмотрения феномена звука и попытаться соотнести этот феномен с феноменом власти (пусть даже по-прежнему в «радикально-эмпирическом» ключе).

Звук и власть

Во многих случаях звук и во всяком случае речь являются средствами осуществления власти, например власти говорящего над слушающим (или власти слушающего над говорящим, скажем, объясняющимся, оправдывающимся, вынужденным объясняться или оправдываться). Бой часов, звон церковных колоколов, чтение молитвы, декламация чего-либо, бой курантов на Спасской башне – все это проявления определенной власти². Говорить в мегафон, усиливая свой голос, – тоже проявление власти. Недаром обращение к подчиненным громким голосом опять же воспринимается как реализация власти.

Интересным образом феномен власти и одновременно с этим противоположный ему феномен безвластия проявляют себя в крике. При этом крик – это нечто более сложное, чем просто громкое и резкое проявление голоса. Как это ни странно, можно кричать шепотом, кричать можно даже беззвучно или вполголоса. В этом смысле крик не столько определенный звук, сколько определенный тип социального поведения. Недаром говорят, что кричать можно внутренним голосом, то есть по форме не кричать, а по существу, конечно же, кричать. Более чем показательно в этой связи выражение «крик души». Крик – это как бы особое выражение души и, что не менее важно, функционирование личности на грани власти и безвластия. В частности, чересчур громкий голос, срывающийся в крик, является уже истерией и в психоаналитическом смысле оказывается признаком не власти, а безвластия (бессилия).

Феномен звука, вообще говоря, довольно плотно связан с феноменом власти. Звук является одной из форм власти и вместе с тем является средством проявления власти. Это находит подтверждение на примере звуковых объявлений в транзитных пространствах (таких как вокзал, вагон поезда и т.п.) (Запорожец и Лавринец, 2008, с. 89). Звуковые объявления в данном случае являются почти всеобъемлющим средством осуществления власти и контроля. По сути дела, такой звук должен быть объектом особой дисциплины – *аудиополитологии* (то есть политологии звука).

Звук как инструмент политического чрезвычайно разнообразен (Запорожец и Лавринец, 2008, с. 89-91). Как нам представляется, удачным примером для подкрепления и раскрытия этого тезиса может служить звук сирен.

² В российском многосерийном фильме «Красная площадь» (2004 г.) был эпизод, когда следователь по особо важным делам Генпрокуратуры СССР Шамраев попадает на прием к руководителю СССР Брежневу. В этом эпизоде уже глубоко больной Брежнев приходит в ужас от боя курантов. «Аудиополитический» смысл эпизода, видимо, состоит в том, что даже возглавляющий советское государство Брежнев не может отменить заведенный задолго до него порядок, выраженный в ежечасном бое курантов, и, по сути, является рабом власти, а заодно и рабом определенного политического порядка. В этом смысле, действительно, бой курантов – символ определенной власти.

Звук сирен – характерная черта большого города. Отчасти это связано с тем, что большой город – это зона многомерного риска. Реагируя на реализовавшиеся риски, различные службы города (они же органы власти) вынуждены действовать оперативно. Звук сирен – один из знаков этой оперативности, ее признак и сигнал. Более того, мегаполис ныне сам ассоциируется с сиренами и маячками специальных машин.

Если вспомнить эллинскую мифологию, то там сирены связывались с чарующим пением и вместе с тем с грозящей морякам опасностью (там одно было связано с другим: сирены увлекали моряков своим пением и в итоге губили их). Недаром ныне сиренами называют специальные звуковые устройства, призванные сигнализировать об опасности, например о приближении стихийного бедствия.

Передвижение специальных (оперативных) машин ряда служб города (полиция, противопожарная служба, неотложная медицинская помощь и т.п.) в экстренных случаях сопровождается специальными звуковыми и световыми сигналами, то есть звуком сирены и работой световых (проблесковых) маячков. У этого явления на самом деле несколько значимых политических и социальных смыслов; это явление носит глубоко символический характер. Один из его смыслов состоит в том, что некоторая служба вынуждена в экстренной ситуации действовать оперативно и, как следствие, соответствующая машина нуждается в праве беспрепятственного проезда и вместе с тем сама в условиях такого продвижения выступает источником повышенной опасности.

Впрочем, к этому смыслу все никак не сводится. Все несколько сложнее. Ныне сирены и маячки – это атрибуты власти. Достаточно вспомнить некоторые эпизоды из фильма Г.Н. Данелия «Кин-дза-дза!». Там световые маячки были атрибутами представителей верхнего слоя своеобразного социума, сложившегося на планете Плюк в галактике Кин-дза-дза³.

В нашем обществе сирена также обозначает в том числе и то, что где-то произошло нечто чрезвычайное и туда стягиваются силы и средства соответствующих служб (полиции, медицинской помощи и т.д.). Но это вместе с тем означает, что произошло нечто выбивающееся из нормального русла течения жизни (теракт, взрыв бытового газа, ДТП, пожар и т.п.). Власть не смогла этого предотвратить. Но если власть не смогла этого предотвратить, то она либо слаба, либо вовсе не является властью. То есть возникает подозрение, что раз нечто вышло из-под контроля власти, то в «зоне бедствия» власть, вообще говоря, не является властью; там осуществляется *другая* власть (или безвластие, отсутствие всякой власти). Недаром специалисты указывают на то, что любой теракт – это в сущевенном смысле слова диверсия против власти, подрыв веры в ее возможности, в то, что она власть. В случае теракта в месте его про-

³ Как тут не вспомнить проблесковые маячки на автомобилях представителей постсоветской элиты.

ведения *de facto* реализуется альтернативная власть, перехватывающая у номинально действующей власти монополию на насилие. Тем самым происходит подрыв самой основы властного аппарата.

В подобных условиях, если власть хочет сохранить себя, ей необходимо как можно скорее купировать негативные явления (приступить к ликвидации последствий аварии, оздоровлению пострадавших, тушению пожара, поиску и задержанию правонарушителей и т.д.) и восстановить контроль над ситуацией, показать, что она, власть, все-таки контролирует происходящее в очаге чрезвычайного происшествия. Сирена – это среди прочего знак того, что определенная власть на территории действует и пытается взять под контроль отклоняющуюся от нормы ситуацию.

Обсуждая соотношение феноменов звука и власти, мы уже отчасти ступили в пространство обсуждения сопряжений феноменов звука и транспорта. Попытаемся развить осмысление сопряжения двух этих феноменов в следующем сегменте нашей статьи.

Звук и транспорт

Обратим внимание, что привычные для нас транспортные средства, как правило, оснащают устройствами для звуковых сигналов. Звуковые сигналы подают велосипедисты, автомобилисты, машинисты поездов. Они тем самым сигнализируют о той опасности, которую несут управляемые ими транспортные средства. С помощью звуковых сигналов лица, управляющие транспортными средствами, пытаются воздействовать на других людей, на других участников движения, на *других* вообще. В этом смысле речь идет об управлении не только транспортным средством, но и об управлении поведением *других*, то есть об осуществлении по отношению к другим некоторой власти.

Естественно, что в ряде случаев такое управление – управление поведением других – является необходимостью, выступает средством если не преодоления, то минимизации рисков, порождаемых современной техногенной цивилизацией. В качестве поясняющего примера обратимся к случаю, который один из авторов статьи (Д.М. Кошлаков) наблюдал в апреле 2016 года. Возвращаясь из Москвы, он сошел на небольшой железнодорожной станции с электропоезда. Было уже темно. Несколько человек, сошедших с того же электропоезда, ждали, когда пройдет последний вагон и можно будет перейти через железнодорожные пути на другую сторону. Как только электропоезд прошел, один молодой человек стал стремительно переходить железнодорожные пути и чуть было не угодил под мчавшийся по встречному пути скоростной пассажирский поезд, состоящий из нескольких вагонов. Машинист встречного быстро среагировал, состав издал звонкий гудок, и парень остановился в безопасном расстоянии от того пути, по которому мчался поезд.

Если анализировать этот случай более глубоко, то можно выявить несколько важных моментов. Люди ждали, когда пройдет электропоезд, с которого они сошли, а пока он проходил мимо них, упустили из виду, что по встречному пути быстро приближается другой поезд (а это было неожиданным для всех, в том числе для автора). Кажется, что поезд, с которого мы сошли, прошел, опасность миновала, путь свободен, однако интуитивный вывод о том, что опасность миновала, оказывается большой ошибкой. Темное время суток, вечерняя усталость и, что немаловажно, «малошумность» встречного состава повышают рискогенность этой ошибки.

Между тем из анализа этого случая мы можем извлечь несколько существенных аудиосоциологических выводов. Во-первых, за последние годы не только ощутимо возросла скорость движения поездов в черте города и за его пределами, но и снизились их шумовые характеристики, в результате чего заметить стремительно приближающуюся опасность и вовремя на нее отреагировать становится сложнее, а значит, возрастают риски, связанные с железнодорожным транспортом (технический прогресс несет не только улучшение жизни, но и порождает многомерные техногенные риски). Во-вторых, возможны такие звуковые эффекты, которые сами могут становиться источником угроз, даже выступать в роли *рискогенов* (то есть генов риска, притягивающих и наматывающих на себя какие-то дополнительные риски, а главное – порождающих новые риски). Так, в рассматриваемом примере люди отвлеклись на одну опасность (ждали прохождения электропоезда), сосредоточили свое внимание на ней и в силу этого не заметили приближения другой опасности (мчащегося встречного поезда). Произошло это в том числе и по той причине, что акустическая обстановка объективно носила сложный и, как следствие, рискогенный характер.

Практика показывает, что случались и такие аварии с участием железнодорожного транспорта, когда человек с наушниками в ушах не слышал приближения поезда и не успевал своевременно на эту опасность среагировать. Частичная или полная выключенность одного из участников движения из объективного звукового континуума способна породить не только риски, но и большие человеческие трагедии.

Практика также показывает, что есть класс аварий на железнодорожном транспорте, когда пострадавшими становятся работающие на путях железнодорожники, например во время ремонта путей. В частности, во время работы оборудования ремонтники могут попросту не слышать приближения подвижного состава, в том числе локомотивов, поездов, маневровых тепловозов, мотовозов и т.п. Некоторые из наших студентов, работающие на железной дороге, указывали нам на принципиальную остроту этого вопроса. В этой связи согласно действующим правилам охраны труда во время работы ремонтных бригад на путях, на которых не остановлено движение, должны работать сигналисты. В про-

стейшем варианте во время работы одного ремонтника другой должен следить за путями.

Наконец, обратимся еще к одному типу ситуаций, в которых сложность звукового континуума способствует снижению безопасности человека на транспорте. Так, ныне среди некоторых молодых автомобилистов принят следующий способ саморепрезентации: движение по дороге или стоянка в каком-либо месте осуществляются не только с громко включенной музыкой в салоне, но и при этом с открытыми окнами, в результате чего все окружающие слышат подчас крайне зашумленный звук, который раздражает и который вынуждает отвлекаться всех участников дорожного движения (пешеходов, пассажиров, водителей). В этой ситуации получается, что нормальный звуковой континуум нарушается не только у автолюбителя, включившего громкую музыку в машине, но и у всех участников движения. В данном случае все они оказываются в зоне возрастающего риска, и рост этого риска детерминирован необоснованно громким звуком музыки, внесением значительных изменений и искажений в звуковой континуум.

Заключительные соображения

Как видим, осмысление звука в качестве социально-гуманитарного феномена в ряде случаев пересекается с проблемным полем разнообразных отраслей социологического знания, в том числе такими, как социология профессий, индустриальная социология, социальная экология, наконец, социология риска и безопасности.

Наличие звуковой (аудиосоциологической) проблематики в самых различных отраслях социального знания свидетельствует, пожалуй, о межотраслевом (точнее даже надотраслевом) характере процессов осмысления звука в качестве социально-гуманитарного феномена. Такое осмысление оказывается некоторой надстройкой над полем социологического (или если говорить шире – социально-гуманитарного) знания.

В заключение своей статьи заметим, что одна из задач аналитика, исследующего звуковые явления, состоит в том, чтобы за фасадом явлений, под образуемой ими поверхностью выявить скрытые социальные закономерности, смыслы и прочие сущности, то есть перейти от феноменологического взгляда на действительность к ноуменологическому ее видению, прорваться от анализа явлений к анализу порождающих эти явления смыслов.

Литература

- Делез, Ж., и Гваттари, Ф. (2009) *Что такое философия?* Москва: Академический проект, с. 6-36.
- Запорожец, О., и Лавринец, Е. (2008) *Драматургия городского страха: Риторические тактики и «бесхозные вещи»*. В: Коуп, Б., и Миерюс, Н., ред. *P.S. Ландшафты: Оптики городских исследований*. Вильнюс: ЕГУ 2008, с. 83-103.

- Кильдюшов, О. (2013) Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики. *Логос*, no. 5, с. 43-60.
- Миалс, Ч. Р. (2001) *Социологическое воображение*. Москва: Издательский Дом NOTA BENE, с. 15-16.
- Пинчук, Н. В. (2007) Психоакустика в сфере образования. *Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики*, no. 2, с. 78.
- Старикова, И.В. (2011) Восприятие звуков современной акустической среды: Некоторые тенденции эмпирических исследований. *Экспериментальная психология*, no. 4, с. 27.
- Степанищев, А.Ф. (2006). *Рациональность философии и науки: От классики к постнеклассике*. Брянск: БГТУ, с. 62-63.

References

- Deleuze, G., and Guattari, F. (2009) *Что takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Akademicheskii proekt, pp. 6-36.
- Kil'diushov, O. (2013) Sport kak delo filosofii: ob evristicheskoi tsennosti novoi analiticheskoi optiki [Sport as a question of philosophy: On the heuristic value of a new analytical view]. *Logos*, no. 5, pp. 43-60.
- Mills, Ch. W. (2001) *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [The Sociological Imagination]. Moscow: Izdatel'skii Dom NOTA BENE, pp. 15-16.
- Pinchuk, N. V. (2007) Psikhоakustika v sfere obrazovaniya [Psychoacoustics in the field of education]. *Chelovecheskii factor: Problemy psikhologii i ergonomiki*, no. 2, p. 78.
- Starikova, I. V. (2011) Vospriiatie zvukov sovremennoi akusticheskoi sredy: Nekotorye tendentsii empiricheskikh issledovaniy [Sound perception of modern acoustic environment: Some trends of empirical studies]. *Экспериментальная психология*, no. 4, p. 27.
- Stepanishchev, A. F. (2006) *Ratsional'nost' filosofii i nauki: Ot klassiki k postneklassike* [Rationality of the Philosophy of Science: From Classics to Post-non-classical]. Bryansk: BGTU, pp. 62-63.
- Zaporozhets, O., and Lavrinets, E. (2008) Dramaturgiya gorodskogo strakha: Ritoricheskie taktiki i «beskhoznye veshchi» [The dramaturgy of urban fear: Rhetorical tactics and «unattended articles»]. V: Cope, B., and Milerius, N., ed. *P.S. Landshafty: Optiki gorodskikh issledovaniy* [P.S. Landscapes: Optics of Urban Studies]. Vilnius: EHU, pp. 83-103.